и преступникъ, заплативъ свой долгъ обществу, возвращается въ него какъ бы новымъ человѣкомъ. Онъ дѣлается такимъ же, какъ всѣ другіе. (См. объ этомъ въ превосходной книгѣ Фильдинга — «Душа одного народа» *). У насъ, наоборотъ, наказаніе считается за нѣчто болѣе позорное, чѣмъ самое преступленіе. Многіе изъ насъ согласились бы имѣть своимъ предкомъ убійцу, но сочли бы позорнымъ имѣть имъ повѣшеннаго.

Да и въ самомъ преступленіи можетъ быть искупляющій элементъ. Эдуардъ Карпентеръ въ одной изъ своихъ блестящихъ статей доказываетъ, что въ преступникахъ нерѣдко находятъ для себя выраженіе нѣкоторые необходимые общественные элементы, къ которымъ относится безучастно большинство людей. Развѣ нельзя допустить, что контрабандистъ является не столько преступникомъ, сколько человѣкомъ, протестующимъ противъ неестественныхъ стѣсненій торговлѣ, и что онъ является въ значительной мѣрѣ нравственнымъ образцомъ для своихъ согражданъ?

Развѣ самыя большія преступленія не бываютъ также и величайшими нравственными подвигами? Государственная измѣна—самое тяжкое преступленіе—является нерѣдко самой первой обязанностью гражданина. И сколько великихъ народныхъ благодѣтелей перебывало на скамьѣ подсудимыхъ!

До послѣдняго времени во всѣхъ французскихъ судахъ висѣло изображеніе Распятія, величайшей изъ судебныхъ ошибокъ. Недавно правительство приказало снять это изображеніе и, по-моему, совершенно напрасно, такъ какъ ничто не могло бы лучше напомнить суду о его ошибкахъ и злоупотребленіяхъ. Лучше было бы прибавить еще другія изображенія великихъ и доблестныхъ историческихъ преступниковъ, которыя могли бы вселить побольше скромности въ сердца исполнителей закона.

---

*) Русскій переводъ ея сдѣланъ П. А. Буланже. Изд. „Посредника“. *Ред.*